

ВАДИМ НЕЧАЕВ

ОДИНОКИМ СДАЕТСЯ УГОЛ

Прислушиваясь к слабым отголоскам сна, я подумал, что, наверно, уже девять часов и пора вставать. В квартире было тихо, сквозь занавеску проникало солнце, — уже наступила осень, сухая и с морозцем, но хозяйка еще не спешила топить печь, а поэтому я накрывался одеялом до самой макушки. Оно мне служило защитой от тревог последних дней. И у меня вошло в привычку лежать после пробуждения в темноте минут двадцать, а то и тридцать, чтобы набраться решимости до следующей ночи. Нельзя сказать, чтобы я дурно спал или меня мучили кошмары — не в этом дело, просто каждый раз я поднимался с неясным ощущением: а зачем? То, что раньше было понятным и само собой разумеющимся, вдруг в какой-то невидимый для меня момент потеряло свой очевидный смысл, словно я оказался не в мире живых людей, а их теней, но этого-то никто не знал и все требовали моей прежней линии поведения.

Когда мы смотрим негативы, нам необходимо некоторое усилие, чтобы представить, как будет выглядеть снятая картина жизни или природы на фотографии, и подобное усилие, чтобы сохранить себя, я проделывал по утрам.

— С добрым утром, дядя Кирилл.

Я с опаской высунул голову наружу и увидел Петю, сына моей хозяйки, который стоял на полу босиком. Он пересек комнату, залез ко мне под одеяло, поерзал и затих, как младший брат. Петя милый мальчик. Здесь у него в доме мне было уютно. За эти десять месяцев я прижился и стал почти своим человеком в семье. Мне осточертело искать себе углы, переезжать из гостиницы в гостиницу, таскать за собой чемодан и рюкзак с бумагами; спать

рядом со случайными людьми, которые храпят, стонут во сне, чмокают губами, зовут своих жен, просыпаются, курят папиросы, топоча ногами, ходят в уборную, зажигают свет, играют в карты, читают детективы, в шесть утра включают радио и слушают последние известия - я ничего дурного не хочу сказать про этих людей, но командировочные есть командировочные, и ничего тут не попишешь.

И по правде говоря, я невероятно обрадовался, когда нашел постоянное "место жительства". Петя во сне не ворочается и не бредит. Его мать тоже спит неслышно. Иногда все же по ночам она тихонько встает, подходит к окну и долго стоит так, задумавшись. Я вижу из своей комнаты ее белую сорочку, голову, склоненную набок, и желтые волосы на фоне серого стекла. За окном рассеянный свет и ночь, и Валентина ничего не может разглядеть, кроме своего мужа на траулере, и вероятно, она вспоминает его улыбку и руки в дни трезвости и любви, потом она черпает из ведра колодезную воду и пьет ее, и разливает по груди, и успокоенная, ложится в постель.

- Дядя Кирилл, что такое мир?

- Гм, ты думаешь, я знаю!

- Ты все знаешь.

- Что это тебя заинтересовало?

- Я на улице прочел: "миру - мир!"

- Как бы тебе сказать. Мир - это когда нет войны и все умирают своей смертью, когда люди не боятся друг друга и приходят в гости с любовью ...

- Ну, я-то не умру. А другой мир какой?

- Другой?

- Ну, да. Там же написано: "Миру - мир".

- Ах, другой. Не знаю. Может, его и вовсе нет. Каждый придумывает его по-своему.

- Ты плохой, дядька Кирилл. Я мамке скажу, что ты не вытер ноги вчера, не беспокойся.

Я быстро оделся, не позволяя своему сердцу размягчаться, что по меньшей мере задержало бы меня на полчаса - примирения с мальчиком всегда проходят с длительными церемониями. Поставил перед собой овальное зеркало, сел на батурет, включил электробритву. Ж-ж ... жж ... Петя вытер слезы и состроил в мою спину рожицу, встал на голову, свалился и принялся рассматривать книгу с картинками.

Да, он обойдется и без меня.

И мне вспомнилось собственное детство. Вот так же, занимая себя картинками, я сидел в бомбоубежище под чахлым светом раскачивающейся лампы, а вокруг молчали, нахохлившись люди, подобия птиц. Они молчали и тогда, когда дом вздрагивал от близких разрывов и на пол сыпалась штукатурка. Я отчетливо запомнил запах насильственного молчания и робкого страха, вкус дуранды и клея, и любопытно, что как-то раз после окончания войны, это было так давно, мимо нашей школы проезжала машина, груженная дурандой, и один кусок ее упал на мостовую, я подобрал его, откусил с краю и тотчас выплюнул, и все равно не в силах был выбросить, а спрятал в парте.

Но как ни странно, это не вызвало в памяти ни горечи, ни волнения, словно блокада и ожидание отца (также, как и ожидание будущего) промелькнули в чужой, далекой и безразличной мне жизни.

Бритва все жужжала, и я машинально водил ее по голой щеке, раздумывая, что же со мной случилось. И в зеркальце с тре-

щиной посередине отражалось мое искаженное лицо: один глаз был чуть выше, пустой и мертвый, а второй, пониже, блистал влагой жизни, как у ребенка, подбородок ушел вниз, мой бедный нос скрючился в сторону.

То же самое, по-видимому, было в моих мыслях, которые я никак не мог собрать и сосредоточить вокруг какого-либо стержня. Наверно, как говорили писатели, наивного прошлого, я потерял себя, как верующие порой теряют своего Бога. Я пытался воскреснуть, вспоминая свой прежний дом, в котором провел двадцать лет и на лестнице которого мне была знакома любая щербинка или надпись, пожилой неказистый дом, просыпающийся в шесть утра, когда вставал кочегар Захар Пустовойтов этажом выше нас, бывший циркач и выпивоха, мой лучший друг в детстве, и грузно шагал по шатким половицам, когда две старых милых девы — Катя и Маруся Соловьевы — обе в белых передниках, похожие на официанток или школьниц, принимались стряпать на кухне, а их сосед пенсионер Подольский правил вслух свою летопись о гражданах, населяющих данный дом по Б.Посадской с 1812 года; я вспоминаю свою маму, ее белое лицо с впалыми щеками, наставнический голос, ее грустный далекий взгляд и письма, которые она отправляла раз в неделю на Главпочтамт до востребования, во все те города, где я успел побывать. Я рос и менялся, однако ни содержание писем, ни их тон не стали другими — словно мы оба застыли в том возрасте, когда ей было тридцать, а мне десять лет — но воспоминания помимо моей воли опять уплывали в ту далекую от меня страну — так называемое прошлое, ни утешения от них, ни облегчения.

Видимо, они бежали от меня, такого, как сейчас, и я очнулся от собственной пустоты, ощутив ожог на лице. Я выключил бритву

и побрызгал на себя одеколоном. Надел белую сорочку и аккуратно-затянул галстук, находя в этом какое-то удовольствие. Было десять часов, когда я собрался на работу. На улице ни души. В нашем районе сплошь японские, дряхлые, одноэтажные и двухэтажные дома. Они стоят кучно, как сыроежки, и во время пожаров выгорают целыми кварталами. Зато погорельцев переселяют в современные квартиры. Я прошел мимо парикмахерской, пивного ларька, возле которого одинокий пьяный чистил себе платком туфли, мастерской по ремонту зажигалок и начал подниматься на мост. Под ним пролегли черные рельсы, влажные от росы, и вдалеке виднелось стадо вагонов - участок тяги и подвижного состава. Паровозы двигались не спеша, как на прогулке. Я привык к их гудкам - они врывались в мои сны, и я исчезал из города.

X
X X

Меня обступало поле ромашек, которые разом колебались из стороны в сторону, как бы строем, и мы с мамой шли через него к далекой излучине реки.

Около рощи на крыльце избы нас встречал местный дурачок (его желтые нечесанные волосы загибались до плеч, голубые, чуть раскосые, глаза смотрели куда-то поверх нас и к тому же он умел видеть сквозь предметы). Мать грозила ему пальцем, и дурачок испуганно захлопывал за собой дверь.

Из толпы ромашек вытягивали свои длинные шеи любопытные ужи и провожали нас взглядом. Мы подбегали к реке, и я почему-то стеснялся смотреть в сторону взрослой, молодой и обнаженной женщины, которая судьбой дана была мне в матери, плыхались в воду и плыли по течению под свисающими ветвями деревьев, в тени которых еле слышно скрипал тросник. На обратный путь сил у оставалось в обрез, и я чуть шевелил ногами. Потом мы валялись

на песке под солнцем, чему-то смеясь долго-долго, вокруг летали бронзовые жуки, блестящие стрекозы, безобидные муравьи ползали по мне, я закрывал глаза, поддавшись дреме, и вдруг чувствовал, что рядом - кто-то другой; дурачок лежал и хихикал: "Сынок, хлеба хочешь?" Я вскакивал и стремглав несся по ромашкам до самого вечера и когда подбегал к деревне, то был уже не мальчиком, а почти взрослым, совершеннолетним юношей, и мама говорила: "Ты знаешь, сегодня умер наш дурачок, жалко все-таки, от него вреда никому не было".

На похоронах присутствовала вся деревня: мужчины в до блеска начищенных кирзовых сапогах (те, кто был на фронте рядовым) и хромовых (те, кто дослужился до офицера), отутюженных брюках и вышитых рубашках, а женщины в шелковых платьях и разноцветных платках. Это были удивительно веселые и жизнерадостные похороны: кто танцевал в присядку, а кто пел довоенные песни. И, наверно, потому, что сельский дурачок Вася также легко помер, как и жил, или наоборот. Он чинно лежал в гробу, сложив руки на груди, с закрытыми глазами и удивленно подняв левую бровь, и беспечальное лицо его в венчике из ромашек мерно покаивалось в такт шагов четырех носильщиков.

Гроб был сколочен из сухого дерева, а Вася после смерти так похудал и вытянулся, что мужчины почти не ощущали тяжести на высокоподнятых ладонях и, казалось, будто деревенский скорморок плывет по воздуху в челноке под высоким синим небом, в которое он любил бросать свою шапку в дни празднеств и торжеств.

Сухо шелестела трава по обочинам дороги, зной спал, где-то рядом куковала кукушка, отсчитывая прожитые Васей годы, я шел в толпе с легким весельем, поглядывая на лицо в венке и

удивляясь новизне его выражения. Ничего не осталось в нем от прежнего юродства и дурачества — и только левая поднятая бровь вносила странный разлад в мои ощущения. Что означала она — удивление или усмешку?

После Васиных похорон все внезапно загрустили. Один сказал, что Вася зря умер, другой добавил, что Вася был хороший человек и никого не обижал, а третий заметил, что никто не умел так смеяться, как он.

На могилу положили венок из искусственных ромашек, но те почему-то на третий день завяли, и председатель сельсовета предложил написать жалобу по случаю брака на производстве бумажных цветов.

Х
Х Х

... Довольно часто в своих полуснах я выходил из нашей десятиметровой комнаты на улицу ранним весенним утром и направлялся по солнечной легкой стороне к Кировскому проспекту, мимо зацветающих деревьев, вступал на Каменный мост, под которым проплывали одинокие льдины с хрупкими желтыми краями, кусты рябиновые, деревяшки, стеклянные поплавки от сетей. Вдоль набережной стояли дома с разноцветными окнами. Вдалеке баржи виднелись, держащие курс к морю. И я сливался с душой города, просторной и чеканной, как стихи любимого с детства поэта.

Однажды мои прежние сны исчезли и как я ни ждал их, они уже не возвращались. А вместо них издалека шел ко мне большой и косолапый человек с плоским лицом и чем ближе, тем быстрее я уменьшался в росте и моя голова лежала не на подушке, а где-то посередине кровати, и человек, нагибаясь, влезал в ком-

нату и молча падал на меня и давил своим телом ...

С железнодорожного моста открывался вид на сопки в желтых и зеленых пятнах. В это время года они просто роскошны. Увяданье всегда связано с напряженным расходом сил. Интенсивное излучение цветов напоминает мне Марсово поле глубокой осенью и полыханье вечного огня.

Нередко, возвращаясь за полночь домой, я ждал, когда пройдут озаренные электрическим светом суда. Я ждал, когда сведут мост через Неву, и грелся у огня в соседстве с пожилой сторожихой.

И опять я подумал, что то было в другой стране и даже не со мной, я спустился по железной лестнице к вокзалу, откуда доносилось позвякивание вилок и ножей - из ресторана, и с отвращением к еде, поспешил мимо.

Х Х
 Х

В этом городе масса кривых улиц, переулков, тупиков, скверов, многие дома не обозначены, и чтобы ориентироваться в нем, надо обладать сноровкой и наблюдательностью. За два года я достиг кое-каких успехов в этой науке.

Солнце скрылось, упало несколько дождевых капель, и безлюдный сквер, через который мне предстояло пройти, выглядел уныло с его чахлами деревьями и пыльными скамейками. Я остановился у огромного каменного памятника, который прежде почему-то не замечал особенно. Сегодня я впервые обратил на него внимание. Лицо его крупное, властное, с закрытыми глазами, или, лучше сказать, без глаз, с изменчивой женской улыбкой в краешках губ, с раздвоенным подбородком, в ложбине которого воробей пил накопленную влагу дождя, было наклонено к плечу и взирало на город в некоем косом разрезе.

Горькое воспоминание о прежнем величии пролетело резкими

складками от носа к полным щекам. Выпуклая незрячесть глаз была страшна выражением угрозы и ненависти. Зато в линиях его полной и длинной шеи, округлых плечей и мягкой груди под плащом угадывалось нечто другое - может быть, способность к материнству.

Уже давно никто не ухаживал за памятником, и на лице у него выросла седая жесткая щетина, в ушах наслоилась грязь, плащ кое-где поистерся, сапоги пострадали от крыс - железная оградка была заперта на ржавый замок, но, как это ни странно, возле прутьев лежали букеты цветов и кленовых листьев.

От полуистлевшей плоти шел нечистый, смрадный запах и смешивался с теплым и влажным дыханием осени. Я поднял воротник плаща и поторопился прочь, чувствуя на спине враждебный взгляд ослепшего Начальника Мира. Из-за сопок подул ветер, застучало кровельное железо, забулькало в водосточных трубах, шипя, потекли ручьи.

X
X X

Я перебежал струящуюся улицу и вырнул в подъезд архива, отряхивая капли дождя. Знакомая атмосфера тишины, шелеста страниц, причастности к тайнам города - максимальная безопасность. Я попал сюда десять месяцев назад, можно сказать, случайно. Мой приятель, которого звали Приставкой, потому что он не выносил одиночества, порекомендовал меня на эту работу. А до этого я служил в газете. Само собой разумеется, при поступлении в архив я прошел строжайшую идеологическую и психологическую проверку, вплоть до выяснения таких фактов моей биографии, не мочился ли я в постель, будучи грудным ребенком.

Мой начальник, молчаливый, хмурый человек с черными очками, которого все чтили и боялись, необыкновенно, встретил ме-

ня с дружелюбием:

- Кирилл, могу вас обрадовать, я специально отложил до вашего приезда несколько весьма любопытных дел. Вы можете заняться ими хоть сегодня.

- Очень вам благодарен.

Он придвинул мне стопку папок и тотчас углубился в какие-то пожелтевшие бумаги и счета. Я прошел в свой кабинет. Обычно мы редко удостоиваемся чести беседовать с начальником с глазу на глаз: система связи и контроля у нас разработана по последнему слову техники. В нашем учреждении культ своего шефа. И это естественно, каждый человек так одинок, что ему просто необходимо кого-нибудь боготворить.

На одной из папок, относящихся к форме № 16, в уголку был отпечатан крестик, который означал, что разбирательство ведется жизни законченной, иссякшей. Я с опаской развязал тесемки, раскрыл гербарий чьей-то жизни и на титульном листе увидел маленькую фотографию юноши - черты лица его были плохо различимы. Мне вспомнились слова старинного поэта: "под каждым надгробьем похоронен целый мир", и я подивился своей чувствительности. Уж кажется, за эти месяцы в архиве я должен был бы привыкнуть к своеобразию занятий и приобрести так называемую профессиональную выдержку. Подобную выдержку прозектора. Помнится, начальник в первые недели наставлял меня:

"Воспринимайте все со стороны, как игру, законы которой непонятны. Величия нет ни в жизни, ни в смерти, и если вы найдете эту истину, работа будет приносить вам сплошное удовольствие.

Мы, архивариусы, и находимся, так сказать, вне стен лабиринта и наш долг - сохранить в документах усилия людей, страждущих найти выход, хотя, как вы сами понимаете, найти его не-

возможно. Поэтому старайтесь воспитать в себе иронию".

Внутри папки лежала целая серия новогодних открыток с незатейливыми посланиями на обратной стороне. Юноша посылал их своим друзьям весной, летом, осенью, в общем, когда ему хотелось, тем самым нарушая установленный порядок и как бы подшучивая над судьбой.

х

х

х

На моем пути, по правде говоря, немало встречалось странных людей, которых в обиходе называют чудаками. Бывают чудаки безопасные — они такие же, как и нормальные члены общества, но с некоторыми причудами. Например, любят нюхать табак, искусно передразнивают ангорских кошек, носят в кармане будильник, употребляют в разговоре старинные обороты, как то: "сударь мой", "душенька", "трансцендентальная истина", "положительный образ" и т.д. То есть, наиболее безобидные чудаки и даже пользующиеся благоволением начальства.

Бывают чудаки опасные — внешне это как раз самые незаметные люди, но для окружающего мира они словно красный флаг для быка.

Когда ребенок начинает рисовать, то получаются столь странные вещи, что даже педант-профессионал не в силах разгадать, что к чему. Например, стоит дом и на него отсутствующим взором смотрит собака. Дом весь телесного цвета, точно обтянутый теплой человеческой кожей, а собака зеленая, смотрит на дом и не лает. Может, она хозяина своего ждет, который отбыл в командировку, может, просто скучает. В отдаленности же на собаку уставилась кошка и не боится. Это видно сразу, потому что волос ее, гладкий и блестящий, не ощетинивается, а лежит смиренно, не шелохнув-

шись. И в глазах кошки миролюбие теленка. Так что весьма вероятно это и не кошка, которая, как известно, не в ладах с собакой из-за противоположного отношения к хозяину, а ласковый теленок или же маленькая женщина. То есть, так она нарисована, что можно подумать и то и другое, и третье.

Подобное впечатление производит чудак и на своих соседей. Был у меня приятель Алексей Величкин, жил в сельской местности и никто в нем ничего особенного не примечал, вот разве что водку не пьет, и вдруг однажды - слышали? - бросает свое хозяйство, огородом не занимается, сено для коровы не заготавливает баба, конечно, в крик, слезы и кочергой его по спине, по спине, а он, как говорится, ноль внимания, уйдет себе на чердак, запрется и часами рассматривает небо в самодельный телескоп, это в наше-то время, когда техника таких высот достигла, семью надо кормить, а он звезды считает в самодельный телескоп. Потом я его из виду потерял, и о дальнейшей судьбе узнал уже в архиве: баба от Алексея ушла, участок земли отняли, самого отправили в лагерь, а его открытие: какую-то новую туманность - приписали ученым центральной обсерватории.

Я не хочу сказать, что каждого чудаковатого самородка постигает такая участь. Слышется, чудачки меняются местами, перекрашиваются: опасные становятся совершенно лояльными и даже по службе с успехом продвигаются, а те, кто нюхал табак, передразнивая ангорских или новосибирских кошек, излечивались от своих причуд, но в силу какой-то природной дисгармонии хватались за чужие дела и, смотришь, они уже на подозрении.

Х

Х Х

Такая же история, по-видимому, произошла с тем юношей, чье

дело попало мне сегодня в руки. Я прочитал одну из открыток:

"Милый друг, в последние дни я нахожусь в какой-то навязчивой меланзолии, связанности. Словно кто-то за мной непрерывно следит - за тем, куда я иду, о чем разговариваю, что думаю. Никаких особых прегрешений за собой я не знаю, но оттого что следят, невольно рождается чувство вины. И в самом деле, может быть, она есть, а я ее и пропустил в суете занятий. И первая мысль по утрам: в чем же моя вина? Мне дозарезу нужно ее найти, иначе как же я оправдаюсь. Недавно я вот что заметил: куда бы я ни писал, всюду отвечают, адресат выбыл. Написал Рокотову, чтобы он прислал мне давнишний долг, спустя несколько дней получаю конверт нераспечатанным. Как же так, думаю, ведь Рокотов такой домосед, его пряником из дома не выманишь! Иду я как-то вечером по улице и вижу: у газетной витрины стоит Рокотов собственной персоной. - Как же это? - удивляюсь я. - Ведь ты на днях выехал? - Может быть, - отвечает он, - я уже не помню.

Это обстоятельство так заинтересовало меня, что я решил посылать письма своим соседям по этажу и квартире, поздравлял их с хорошей погодой, случайными успехами. И что ты думаешь?... Тот же результат. И кроме того, соседи вдруг перестали со мной здороваться, проходят мимо, глядя сквозь меня, словно я прозрачный, а я им желал только добра.

Говорят, скоро затмение солнца. Как ты считаешь, каковы будут от этого последствия? Жду письма. Пиши мне до востребования. Но в обычном конверте".

И в самом деле, подумал я, рассматривая юношескую фотографию, как приятно получить в разгаре февральских морозов или сентябрьских дождей, томясь от диктаторского однообразия пого-

ды, веселую открыточку: "С новым годом!" Представить себе невозможно, насколько скучнее, прямолинейней и штампованней была бы жизнь без чудачков.

Вслед за письмами я наткнулся на заявление в загс. Затем дневниковые записи и любительские снимки, на которых везде; он и она. Он и она у памятника в сквере, он и она на зимних качелях, он и она выбегают из волны на песок, она и она, он и она, вечное сочетание противоположностей и, наконец, она снята в одиночестве, с заплаканным синим лицом.

Милая незамысловатая история. Не зря ее отнести к форме № 16, куда входят происшествия, имеющие только камерное звучание.

Я услышал двойной звонок. Приглашение на обед. У нас целая система звонков и лампочек различного назначения: одни для празднеств, другие — для похорон. Из всех дверей повискакивали сотрудники, которые показались мне неотличными друг от друга — на одно лицо, и словно крабы, засеменяли цепочкой по черной лестнице в столовую. Без суматохи расселись по местам, все, как один, положив руки на стол. Начальник должен был пройти вдоль ряда и отличившихся по службе ударить линейкой по пальцам. Некоторые после этого целую неделю не мыли рук, чтобы дольше сохранить приятное воспоминание.

— Как съездили в командировку? — спросил меня сосед.

— Спасибо, я удовлетворен командировкой, старший инспектор.

— Расскажите потом о своих приключениях? — он подмигнул мне белым зрачком.

Старшему инспектору осталось служить полгода до пенсии. Он заведовал архивом нашего учреждения и, как говорили сведущие люди, пользовался большим авторитетом в вышестоящих и даже

верховных организациях. Если воспользоваться сравнением из военно-мемуарной литературы, он вел разведку над разведкой, так что, можно сказать, он знал нас лучше, чем мы сами себя. Со стороны виднее. Неудивительно, что у него были особые привилегии. К примеру, он единственный принимался за обед и заканчивал его, не ожидая разрешения начальника. Меня посадили рядом с ним, как новичка, и даже не предупредили об осторожности. По своей наивности я рассказал ему однажды пару невинных анекдотов и это, как ни странно, старику понравилось. Впоследствии он признался мне, что ему со мной хорошо, потому что он слышит мои слова и верит в них, а когда разговаривает с другими, чувствует себя натянуто и быстро устает, ибо другие говорят одно, а думают иное. В таких случаях пытаешься понять не то, что говорит собеседник, а то, что он не говорит.

Вскоре все заметили, что старший инспектор оказывает мне благоволение, и по отношению коллег я понял, что карьера моя скоро подвинется вперед. Он жил холостяком и сегодня пригласил побывать у него в гостях. Я пришел в сумерки. Он целомонно принял меня в передней и, сделав широкий жест рукой, провел затем в комнату. Обстановка его квартиры была выполнена в стиле начала века — я сказал бы, чересчур артистически. Если по мебели можно судить о характере человека, то, по-видимому, старший инспектор любил в молодости роскошь, искусство и, как говорится, умел пожить. Сейчас это был просто аскет, к тому же страдающий язвой желудка. Метаморфоза обычная в наше время.

Запахнув на голых коленях полы толстовского оранжевого халата с черными полосами вдоль, старший инспектор полулег на диван и молча уставился на меня круглыми прозрачными глазами.

— Юноша, — сказал старший инспектор, — в вас осталось

еще, э-э-э, - он помахал рукой в пространство, подыскивая подходящее словцо, - слишком много, слишком много человеческого...

Из-под халата торчали его тонкие ноги, покрытые какими-то желтыми пятнами, словно от сырости, и пальцы в шлепанцах постоянно шевелились.

- Я случайно попал сюда, в архив, - сказал я в ответ, - и вполне вероятно, что еще не обвыкся. Для меня многое новое.

- Вам повезло, юноша, прямо скажем, повезло, - продолжал старик свои сентенции, - архив - это почетное и в то же время наиболее безопасное место из всех возможных. Если вы читали о войне, то знаете, что мирное население пряталось во время обстрела в метро и бомбоубежищах. Так у нас вроде этого. Мы имеем дело с отражениями. Понимаете меня, с отражениями людских волн. Я, знаете ли, люблю метафоры. Не выношу прямых обозначений. Все в жизни так переходит одно в другое, так изменчиво, что прямые слова всегда оборачиваются ложью. Метафора же дает простор для всевозможных толкований.

Старик хихикнул, взял бокал с пивом и отхлебнул глоточек.

- Единственный порок, который я разрешаю себе. Берите с меня пример, юный друг. В такое сумбурное время я сумел сохраниться до патриаршего возраста. Это немалое достижение. Скажите мне откровенно, как вы относитесь к идеалам?

- Каким идеалам, старший инспектор?

- Что, вы не слышали такого слова?

- Слышал когда-то в школе.

Старик спрятал усмешку в щеках.

- А я думал, что вы идеалист и хотел вас предостеречь от излишнего увлечения ... Молодость такая бескорыстная пора, горение души и тому подобное. Так вот, представим, что жизнь ор-

ганизована согласно самым высоким идеалам - ровное, безмятежное общество ... Но это утопия. На практике идеал всегда приводит к противоположности. Примеры вы сами знаете из истории. Архив же - к его достоинству - это взгляд со стороны, это остров. Вы владеете временем, как прошлым, так и будущим.

Кстати, вы еще не устали слушать меня?

- Нет, нет, что вы, старший инспектор, - сказал я быстро, - как раз мне очень интересно, у меня сейчас такой период ...

- Какой период?

- Как вам объяснить, какая-то тоска, рассеянность, смутные воспоминания.

- О, это вы правильно сделали, что сказали мне. У меня самого в юности были такие периоды. Не можете смотреть в глаза приятелям? Чувство вины? Потеря прошлого и так далее.

Да, да, все именно так, как вы описали. Какие-то голоса порой слышу. Иногда просыпаюсь в ужасном страхе и не могу сообразить, где я нахожусь, какой год сейчас, все так смещается и в моих глазах: окно, деревья, звезды, - кружится, кружится, кружится.

- Вы, наверно, спите на правом боку?

- Да.

- Советую спать на левом. Тренируйте свое сердце. В медицине есть такой термин: панцырное сердце. Научитесь читать не слева направо, и не сверху вниз, а наоборот. Попробуйте жениться. Появятся насущные заботы. И вообще ... если рядом хорошая женщина, она как бы защищает от кошмаров. Освободиться всегда можно. Пока возьмите лекарство. Если вы благополучно минуете этот период, то в будущем, я думаю, из вас выйдет крупнейший деятель. Твердость и воля воспитываются через страдание.

- Спасибо вам, старший инспектор, я обязательно воспользуюсь вашими советами.

- Чаще ходите на собрания, не замыкайтесь в себе, бывайте в цирке, на представлениях, футбольных матчах, участвуйте в улучных песнопениях, будьте, как все, - старик расхаживал в халате по своей комнате, выдержанной в коричневых, красных и черных тонах, у окна в клетке прыгали щеглы и ритм их движений совпадал, - займитесь спортом, прыгайте через веревочку, скакалку, летайте на парашюте, катапультируйтесь с самолета, ну, достаточно советов, - старший инспектор, похоже, пришел в себя, - пойдете ужинать, я покажу вам, юный друг, мою коллекцию картин. В столовой.

Я не обратил особого внимания ни на бутылку шампанского в тарелке со льдом, ни на красную икру - в ослепительном многократном свете люстры, который как бы усиливался от бесчисленных отражений в хрустальных подвесках, сверкала вокруг меня живопись. Соседство безвестных мастеров.

Старший инспектор показал на левую стену:

- Это картины моего брата. Нравится!? Какая святость в лицах - как у праведников, приговоренных к смерти. Все так гармонично. А сам кончил на Пряжке, в психбольнице. Он мог бы сделать карьеру, но ...

Старший инспектор всхлипнул как ребенок.

- И чего его дернуло стать художником. Ведь я говорил ему: старик, сейчас не время для искусства. А он стоял на своем. Жил в нищете, в каком-то сарае, жена изменяла ему налево и направо. А потом сжег свои работы - искусство, мол, сплошной обман. Жизнь - вот цель для художника; так и заявил мне: я иду в жизнь, к людям.

И все. Достаточно попасться на глаза смерти ... и все, человек исчезает. Был человек и нет его. Даже я не знаю какова участь брата. Возможно, его подвергли "дезинфекции" и он служит каким-нибудь сторожем на складе, возможно, он до сих пор на Пряжке и рисует плакаты к праздникам. Возможно, он стал слугой роботов. Ниже этой ступени — только могила, — старший инспектор заметно разволновался, — только, чур, юноша, чтобы никто не знал о моем увлечении. Вы понимаете меня?

— Конечно, старший инспектор.

— В последнее время участились проверки, психоревизии, и это неспроста. Мое поколение слишком много перенесло на своем веку ...

В человеке есть несколько сфер, в которые можно пускать посторонних, а в которые и нельзя, — старик еще глубже заполз в свой красно-черный халат, из которого торчала только маленькая голова с прозрачным теменем.

Выльем за дружбу, юноша. Если хотите, я буду вашим наставником. У меня нет детей. И кто знает, может, после моей смерти вы получите мое звание. Так сказать, по наследству.

Старший инспектор вздохнул утомленно и прилег на диван. Голова его откинулась на подушку, лицо разглядилось, как у молодого.

— Это хорошо, что я вас встретил, — он улыбнулся мне трогательно и печально, по-родственному. — Тяжело умирать, зная, что после тебя ничего не останется: бумаги и письма заберут в архив, личные вещи сожгут, квартиру займет кто-то другой, ничего — ни декрета, ни формулы, ни пуговицы, ни волоса. А так хоть звание я оставлю вам ... Выключите верхний свет, слишком светло.

- И нижний, пожалуй, тоже, - попросил капризным тоном старший инспектор. - Достаточно луны. Хе-Хе. В молодости люди предпочитают солнце, а в старости луну. Отраженный свет, покой. Как-никак а старость - убогое зрелище. Вы не согласны со мной? Это в вас говорит воспитанность. Ждать больше нечего. Все, что тебе было дано, ты использовал или не использовал - неважно. Главное, изменить что-либо нельзя. Остается самоуважение, почет и страх смерти. Старики себялюбивы ужасно. Задвиньте, пожалуйста - ста, шторы. Я в темноте вижу хорошо.

Когда-то существовал чудный обычай: вместе с покойником закапывали в землю его жену, коня и утварь, чтобы там он не был одиноким. У меня, к счастью, ничего нет, даже маленькой кошки. И все же я не боюсь, хотя этот свет прямо действует мне на нервы. Вы говорите, что здесь темно? Не может быть. Я вижу все так, словно горят двести свечей. На потолке две трещины крест-накрест. На обоих желтые пятна. Паутина свешивается в углу. Стол прогнулся в середине под собственной тяжестью. Даже моль вижу. Вон она летает. И вторая моль. Встретились на углу. Сцепились. Снова две. Все слишком подробно.

Жизнь так коротка. А смерть так ужасна, как и рождение. Я вспоминаю себя и вижу совершенно разных людей. Кто же из них я истинный? Кто я, о, Господи! Как болит моя душа. Юный друг, на забудьте, если что, завещание в шкатулке. Я вижу тень. Не пускайте ее ...

Я прижался спиной к обоям. В щелку между гардин врывался узкий луч серебристого света, который перерезал комнату пополам. И действительно, какая-то тень пересекла границу.

- Дружочек, - я услышал хрипы и стон, - наберите три нуля, скажите ... Хотя, стоп, не надо, они будут мучить меня, не знаю

ли я чего, не скрываю ли, они не дадут мне покоя, нет, уж лучше я сам, сам справляюсь, если бы только не этот черный свет... Это мне за брата. Я узрел ... я узрел ...

Старик утих и вначале ничего не было видно и слышно в этом склепе. Я напряженно вглядывался туда, где на диване лежал старший инспектор. В черной пустоте появились два синих мерцающих полукружия. От них распространилась глубокая синева, как бы изнутри. Засветился нос, длинные изогнутые губы, острый подбородок, шея, плечи, тонкие руки, согнутые в локтях, дряблый живот и бедра, и какая-то точка меж. Сияние росло и что-то вдруг ослепительно вспыхнуло и тотчас погало. Я включил люстру - на диване по-прежнему валялся халат, принявший формы человека, но старшего Инспектора нигде не было.

Халат раскинул рукава, поднял воротник, чуть сжался в коленях и по его красным и черным полосам пробегала дрожь. Я окинул взглядом комнату и увидел на подоконнике шкатулку. С вороватым чувством я вытащил бесценный документ. Сверху было отпечатано: "сие лицо неприкосновенно". Захлопнув за собой дверь, я стремглав спустился по лестнице. Внизу меня остановил учтивый привратник. Я показал ему охранную грамоту и выскочил на улицу.

Она была как длинный пустой коридор - мертвенно светили фонари на изогнутых железных стеблях. Вечер сливался с тревогой и одиночеством. Я шел по правой стороне, держась поближе к теплым стенам дома. В первом попавшемся дворе я спрятался за сарай и, наклонившись, вставил два пальца в горло.

Рядом со мной топтался какой-то облезлый грустный пес - неизвестно откуда он взялся. Он бежал возле, словно сирота. Ничей брат. То он перебегал через дорогу, то отставал в поисках

пищи. Лохматый, живой, общительный. Один из последних незавербованных псов, оставшихся на воле. Его сородичи почти все устроены в различных службах, крупные, сытые, с блестящей шкурой, в намордниках, их изредка можно увидеть вместе с пожарником или военным.

Так мы дошли до сквера, и я решил немного отдохнуть на скамейке. Тепло было и душно. В воздухе кружилась мошкара. Я прилег, положив под голову ладонь с тайной надеждой, что во сне я забуду прежнюю жизнь, освобожусь от воспоминаний, стану твердым, как памятник.

Х
Х Х

За мной пришли друзья и, взяв меня под руки, повели куда-то через зеленую площадь, мимо фонтанов, по набережной, сквозь решетку которой была видна гладкая поверхность воды и веселый речной трамвайчик, нежно улыбаясь мне, словно бы я перенес тяжелую болезнь и только что выписался из больницы, и по их лицам я видел, что они неподдельно меня любят. "Это так непонятно, - думал я, - что они меня любят, ведь я ничем не заслужил их любовь и верность. Во мне столько недостатков, а они мне все прощают".

Впереди показался пруд и тенистые клены. На берегу стояла одинокая девушка в ситцевом платье. Она подошла ко мне и сказала: "Я ждала вас". Друзья понимающе переглянулись, а я ничего не понимал. Раздевшись, мы встали в круг и начали танцевать, припевая: "Каравай, каравай, кого хочешь выбирай". У всех были тонкие загорелые тела, один я был неправдоподобно белый. Девушка поворачивалась в центре круга, а мы двигались все быстрее и еще громче пели: "выбирай, выбирай".

Она взяла меня за руку, а друзья, засмеявшись, врозь побежали к пруду и попрыгали в воду с громким всплеском. Мы легли с ней на песок, прижавшись плечами. Ее близость была почти пугающей. Я несмело дотронулся до ее шеи, погладил щеку. Она отвернула от меня лицо. Я закрыл глаза, перебирая рукой ее волосы. Потом она осторожно стала гладить меня по груди и бедрам, мне захотелось что-нибудь с ней сделать, но я застеснялся и решил уйти, но чьи-то сильные, совсем не женские руки, придавили меня к деревянной земле.

х х
х х

Ее лицо колебалось рядом, и в нем проступали чужие, ненавистные мне черты. "Маска, - подумал я во сне, - ложь". Я стряхнул с себя оцепенение и приподнял голову. Пруд и солнце исчезли. Какие-то тени шарахнулись от меня в вечернем сумраке. Невдалеке стоял незрячий памятник на каменном постаменте, откинув назад голову и сложив руки на выпуклом животе.

Его тело изогнулось и напряглось в предродовом усилии. Я вообразил каменного уродливого последыша, который **ВОТ-ВОТ** появится на свет с радостным визгом, зачатый семенами ненависти и мести, и примет облик человека. Полы плаща шевелились и скрипели, памятник тужился и сотрясал воздух своими тяжелыми вздохами, преодолевая мужскую негибкость членов и женскую боль, творя в тишине уголовный подвиг.

Я закричал и схватился в смятении за карман, где лежало завещание. Там было пусто. Воры. Это они обыскивали меня, спящего на скамейке. Теперь я беззащитен.

Опять я просто человек. С обычной человеческой анкетой. Памятник стоял прямо и спокойно, притворившись мертвым. Как

видно, он остерегался свидетелей. Я бросил камень ему в живот и побрел прочь из сквера. Позади кто-то утробно запищал: ау-ау. Оглянувшись, я увидел, что памятник плакал.

Отчего такая напасть, думал я, пересекая кривую улочку, в чем я провинился, жил как все, никому не делал худого, в детстве слушался родителей, потом слушался законов, успешно закончил университет, мог бы остаться в большом городе и все же не остался, уехал на периферию. По натуре я, кажется, добрый: если давал в долг, потом не требовал отдачи, не люблю я ссор и драк. Родители были мной довольны. Сколько вокруг всяких соблазнов, подумать страшно, и как-никак, я их миновал, я не картежник, не алкоголик. Почему же такая усталость? Я шел по тихой тополиной улице в окружении своих раздробленных лиц, которые проносились перед глазами, как мертвые потускневшие фотографии из разрозненного семейного альбома — ты переворачиваешь страницы с видами неподвижной природы, снимками родственников и друзей, вырванными из теплого потока времени — и не узнаешь никого.

Куда все это девалось? Только одна фотография тронула мне сердце, на ней изображен мальчик семи лет с печальными глазами, с той скорбной чистотой, которую впоследствии я уже не мог найти в себе. На других этого нет, а заметно иное: тщеславие, суэта, самолюбование, скука, как порой невыносимо смотреть на свое лицо. Один случайный поворот руля — и я сошел с пути.

Чужие лица вокруг, не лица, а личины, ненужные отношения, случайные ласки, а я считал, что это в порядке вещей. Все равно человек одинок от рождения до смерти и все попытки прорваться сквозь одиночество к другим бесполезны. Как говорит мой на-

чальник, из лабиринта нет выхода.

С каждым годом во мне что-то отмирало, а сейчас эта труха, которую называют душой, проснулась и болит мучительно, так же, как и в прошлый отпуск, когда я прилетел в огромный город, чтобы развеяться, попал на вокзал, где валялась вповалку Отчизна — кривые улицы, потоки машин.

В этом каменном городе мне все было чуждо, как человеку, который просидел бы сорок лет в лагере и вернулся назад боязливой тенью. Однажды я зашел в кафе — с потолка свисали лампочки в длинных футлярах наподобие снарядных гильз. Девушка за моим столиком читала журнал. Мы познакомились, и она спросила, издалеко ли я. Она удивилась и стала рассказывать о себе. Я ничего не мог понять и чувствовал, что все это ложь без нужды. В конце концов она сказала, что согласна развлечься со мной.

Я вернулся на вокзал, переспал на скамейке ночь в соседстве с каким-то безногим стариком, с которым под утро мы распили "маленькую", и на следующий день, купив новые ботинки, уехал на север. Тогда я не способен был догадаться ... Как хорошо, что у меня украли завещание. Я снова человек с анкетой, человек с прошлым, которое чуть-чуть было не потерял.

Мне нужно только постараться, очень постараться и я смогу вернуться к тому, что оставил два года назад. Я войду в свой дом и друзья скажут: "Долго же ты был в отлучке". Я улыбнусь и отвечу: "Долго, но не спрашивайте ни о чем, я такой, как прежде".

Все равно я не сумею рассказать правды, а если и попробую, они не поверят, так что мне придется лгать, убедительно и очевидно, чтобы ложь выглядела правдоподобнее действительности.

Тот памятник в сквере — памятник лжи, огромный памятник

джи, и сколько их понастроено везде. Люди поклоняются им, а детей водят сюда на экскурсии. Бедный Евгений. Куда ему было тягаться с Медным Всадником, застывшим, как полицейский, в своем чудосочном величии, неприкосновенность которого охраняли из поколения в поколение. И все же он замахнулся ... Мне симпатичен этот малый Евгений, который нашел в себе силы, и сойдя с ума, обрел независимость. Почему бы не поставить памятник Евгению. Он был бы столь же героичен, как памятник Неизвестному солдату.

х х х

Не заметив, я прошел улицу, из раскрытых окон которой слышались голоса, обрывающие друг друга:

- Кто любит - тот все простит.

- Счастья на свете нет. Пустая выдумка.

- Бабка моя вчера, слава богу, скапутилась. В наследство оставила швейную машинку и крестик с золотой цепочкой. Уж так и быть, за поллитра крестик уступлю.

- Нет, Ваня, я на это не согласна. Как же можно, ведь ребенку уже три месяца. Он что-то понимает. И слышать не хочу.

- ... Господи, один ты свет.

- Согласие с миром и доверие к самому себе ...

х х х

Я спустился по круглому склону к реке. От нее пахло мазутом, рыбьей чешуей и тиной. Город остался позади. Смолкли шумы и звуки. Только вдалеке взвизгивала электропила. Через разные промежутки времени. Жж ... жж ... И снова тихо. Жж... жж ... - с такой резкой болью. И вдруг я вспомнил: "Согласие

с миром и доверие к самому себе". Не было во мне ни того, ни другого. Вместо согласия - вражда, вместо доверия - подозрение.

Не лучше ли поставить точку. Такая благословенная точка - как огромная клякса - уют и тишина. И не будет ни электропилы, ни архива, ни памятника - одна река. Точка возникла в воздухе, стала расти и кружиться - спиралями, спиралями, все шире и шире, захватывая в свою орбиту кусты, скамейки, балки, деревья, мосты, дома, набережные и их решетки, газоны, трамвайные пути и провода, афиши (выступление иллюзиониста Кио), рекламы, телевизионные антенны, чердаки, голубятни и сизых голубей, рестораны, пивные и трех последних выпивох, пригороды и облака, и луну и редкие звезды и еще одну луну, и все сместилось и неслось, река надо мной, луна под ногами и в центре этого круговращения сияла желтая капля, и она манила меня к себе, и я, бессильный, сделал шаг, еще, вступил в холодное течение, и вода мне доходит до колен, и слабость такая, и вечерняя пустота. И вдруг все пропало и я услышал:

- Ты куда, мальчик-с-пальчик?

Я стоял, озираясь, по колени в реке, которая медленно несла свои волны под деревянный мост, несла какие-то щепки, пятна мазута, обертки, пустые бутылки, желто-красные листья,дохлых рыб верхом брюха, стоял, не в силах пошевелиться. Позади меня отлого поднимался берег, поросший редким кустарником, и там на бревне сидело какое-то заросшее существо в ломотьях. Я вышел из реки, чуть пошатываясь от головокружения.

- Иди сюда, мальчик-с-пальчик.

Я взгляделся в его лицо и узнал в нем своего прежнего сослуживца, которого уволили в прошлом году, потому что он не

выдержал испытательного срока. Попадаетея такая порода людей, называют их "летуны", "перекати-поле", "шабашники" и в том же роде. Не привыкшие к оседлой жизни, порядку и службе, они с трудом переносят свою зависимость от того, кто выше их по рангу, не умеют хитрить и ладить с начальством.

Его звали Суфле, а по наследству он был Сидор Машкин, и его трудовая книжка была проштампована от корки до корки: разносчик фруктов, лесничий, шофер в экспедиции, почтальон, учитель чистописания и проводник в горах — кем он только не работал!

— Согреться хочешь? — сказал Машкин и, вытащив из кармана фляжку, отвинтил колпачок, налил в него водки. Я был благодарен Суфле, что он ни о чем меня не расспрашивает, не лезет в душу.

— Почему ты никуда не уехал? — спросил я тихо.

— Ты наивный мальчик-с-пальчик (он прозвал меня так еще год назад). Кто меня отсюда выпустит. Из нашего архива путь один — туда! (он показал пальцем в землю). Я предпочел жить вольной птицей. У меня такие широкие красивые крылья, — он искоса взглянул, не смеюсь ли я.

— На что ты живешь? — Я всегда нормально разговариваю с теми, у кого в голове не все в порядке.

— Хе, на что живет птица. Приходят разные экскурсии на кладбище, я тут как тут. Будто экскурсовод. Показываю могилы. Рассказываю про наших замечательных граждан. Между прочим, есть вакантное место.

— На кладбище?

— Экскурсовода.

— Благодарю.

- Ну ладно. Пока.

И он исчез. Я направился по ночному городу домой. Вышел к вокзалу, поднялся на горбатый мост. Внизу, светя желтыми глазами, двигались паровозы. Они пересекали массивное пространство ночи без страха. Я почувствовал, что соскучился без Пети. Как жаль, что сегодня я не купил подарок. Петя снова будет дуться. А его мать, наверно, стоит у окна и смотрит сквозь даль на своего мужа, который заступил на вахту.

Наверное, они еще не спят и беспокоятся, почему квартанта так долго нет. - Загулял где-то, - говорит Валентина. - Загулял, - повторяет она, - опять наследит нам. - А что если он уйдет, ты будешь скучать, Петя. - А я не пушу его никуда. - Не пускай, ему у нас надо жить.

Я тихонько открыл дверь, которая все же скрипнула, и вошел в комнату. - Где ты бродил, милый? - шепотом спросила Валентина. - Был в гостях. - Ты знаешь, мой муж-то помер, еще месяц назад, да я тебе не говорила. Так что ты не покидай уж нас. - Хорошо, Валя. - А теперь иди спать, поговорим завтра, а то я беспокоилась.

Я прошел в свой закуток и лег. Мне видно было белое плечо Валентины и голова ее сына, который причмокивал губами во сне. Почему-то мне так стало их жаль, пронзительно жаль, как если любишь когда.

Утром я послал открытку своему начальнику, в которой процитировал его слова. Я написал, что остаюсь в "лабиринте". А спустя несколько дней в качестве ответа я получил повестку. Валя увидела ее и заплакала.

Когда я отправился по указанному в повестке адресу, то, проходя мимо базара, увидел на столбе объявление: "Одиноким сдается угол". Я вздрогнул. Неужели это она поспешила прикрепить объявление, не дождавшись, пока я навсегда исчезну, к утешению для меня, адрес там был написан другой.

- Ну ладно. Пока.

И он исчез. Я направился по ночному городу домой. Вышел к вокзалу, поднялся на горбатый мост. Внизу, светя желтыми глазами, двигались паровозы. Они пересекали массивное пространство ночи без страха. Я почувствовал, что соскучился без Пети. Как жаль, что сегодня я не купил подарок. Петя снова будет дуться. А его мать, наверно, стоит у окна и смотрит сквозь даль на своего мужа, который заступил на вахту.

Наверное, они еще не спят и беспокоятся, почему квартиранта так долго нет. - Загулял где-то, - говорит Валентина. - Загулял, - повторяет она, - опять наследит нам. - А что если он уйдет, ты будешь скучать, Петя. - А я не пущу его никуда. - Не пускай, ему у нас надо жить.

Я тихонько открыл дверь, которая все же скрипнула, и вошел в комнату. - Где ты бродил, милый? - шепотом спросила Валентина. - Был в гостях. - Ты знаешь, мой муж-то помер, еще месяц назад, да я тебе не говорила. Так что ты не покидай уж нас. - Хорошо, Валя. - А теперь иди спать, поговорим завтра, а то я беспокоилась.

Я прошел в свой закуток и лег. Мне видно было белое плечо Валентины и голова ее сына, который причмокивал губами во сне. Почему-то мне так стало их жаль, пронзительно жаль, как если любишь когда.

Утром я послал открытку своему начальнику, в которой процитировал его слова. Я написал, что остаюсь в "лабиринте". А спустя несколько дней в качестве ответа я получил повестку. Валя увидела ее и заплакала.

Когда я отправился по указанному в повестке адресу, то, проходя мимо базара, увидел на столбе объявление: "Одиноким сдается угол". Я вздрогнул. Неужели это она поспешила прикрепить объявление, не дождавшись, пока я навсегда исчезну, к утешению для меня, адрес там был написан другой.